

ПОЭТИКА НАЗВАНИЯ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВА»

Ян Хуань

Хэйлунцзянский университет, Хэйлунцзян, Китай
huan.ja@yandex.ru

POETICS OF THE TITLE OF F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL THE BROTHERS KARMAZOV

Yang Huan

Summary: The article deals with the poetics of the title of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov". It is suggested that the title of this work, which became the last and main message of the writer to mankind, is a semantic complex, each element of which – the title and the epigraph – contain a clue to decipher the main author's idea about the possibility of spiritual rebirth of man through the acceptance of the Word of God.

Keywords: title, hero's name, novel, Dostoevsky, "The Brothers Karamazov".

Название произведения представляет собой художественный феномен, который неизменно привлекает к себе внимание литературоведов. Впервые данный феномен подробно был рассмотрен С.Д. Кржижановским, который написал труд «Поэтика заглавия» (1925). В нём он сделал успешную попытку доказать, что заглавие – ёмкое содержание всего произведения [8, с. 4]. Всестороннее исследование поэтики заглавия было сделано Н.А. Веселовой, в котором обозначены его важнейшие аспекты.

В первую очередь, заглавие следует трактовать как имя текста, которое коррелирует со всем произведением (как и произведение коррелирует с названием). В то же время, само заглавие тоже необходимо воспринимать как самостоятельный текст. Но и основной текст, и текст заглавия представляют собой единую систему [4, с. 10]. «Это даёт имени-заглавию – продолжает Н.А. Веселова – право не только представлять текст, но в ряде случаев и замещать его» [4, с. 10].

Более того, исследовательница трактует заглавие как комплекс, в который входят следующие элементы:

- имя создателя произведения;
- подзаголовок;
- посвящение;
- предшествующий тексту эпиграф;
- сведения о времени и месте создания произведения;
- оформление полиграфическими средствами [4, с. 10-12].

Согласно классификации Н.А. Веселовой, название

Аннотация: В статье рассматривается поэтика названия романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Высказывается предположение, что заглавие этого произведения, ставшего последним и главным посланием писателя человечеству, является семантическим комплексом, каждый элемент которого – непосредственно название и эпиграф – содержат в себе подсказку к расшифровке главной авторской идеи о возможности духовного возрождения человека посредством принятия Слова Божьего.

Ключевые слова: заглавие, имя героя, роман, Достоевский, «Братья Карамазовы».

романа Ф.М. Достоевского является заглавием-антропонимом, так как в нём присутствует фамилия главных героев. Антропоним может содержать в себе множественные смыслы, а не просто обозначать имена персонажей. В романе «Братья Карамазовы» наблюдается именно такая ситуация. Т.А. Бондаренко пишет: «Семантическая ценность антропонима как системообразующего компонента имени-слова произведения проявляется в анализе характеристических свойств образов персонажей» [3, с. 21].

Действительно, имена героев романа дают большой простор для интерпретаций. Однако в заглавии произведения присутствует не только антропоним, но и лексема «братья», которая также может содержать в себе множество ценных сведений.

В толковых словарях слово «брат» означает членов одной семьи; лиц мужского пола, состоящих в родственных, кровных отношениях [10, с. 224]. Таким образом, семантика слова предполагает тесную связь, основой которой оказывается любовь, дружба, единство.

Отметим, что в русской картине мира слова «брат», «братство» могло распространяться не только на ближайших родственников, но и воинов, монахов, князей. Но в данном случае общая фамилия безоговорочно указывает на семейные связи, которые по традиции должны быть крепкими, нерушимыми, дружественными. Т.Е. Владимирова замечает: «Семантическая близость слов брат / братья и друг / друзья отчётливо просматривается в пословицах, которые высоко оценивают братские и дружеские отношения, предостерегая от их

нарушения: “Доброе братство милее богатства”; “Братская любовь лучше каменных стен”; “Нет друга супротив родного брата”» [5, с. 2016].

В таком контексте название романа следовало бы расценивать как семейный роман, герои которого связаны крепкими узами, но в действительности писатель последовательно воссоздаёт крах семьи и – как следствие всего общества. Если же обратить внимание на название Книги первой части первой – «История одной семейки» – становится очевидным, что герои будут представлены с отрицательной коннотацией, о чём свидетельствует эмотивное слово «семейка», носящее не только пренебрежительный, но и негативный контекст.

Суть же состоит в том, что семьи Карамазовых как таковой не существует: отец семейства Карамазовых, всю жизнь проживший в разврате, не интересовался своими сыновьями от разных браков и держал их далеко от себя. Поэтому изначальным состоянием этой семьи является разлад и распад: «*Семейка эта, повторяю, сошлась тогда вся вместе в первый раз в жизни, и некоторые члены ее в первый раз в жизни увидели друг друга. Лишь один только младший сын, Алексей Федорович, уже с год пред тем, как проживал у нас и попал к нам, таким образом, раньше всех братьев*» [6, с. 30].

Результатом таких взаимоотношений становится страшное преступление – отцеубийство, которое совершил один из сыновей. На протяжении всего романа ведётся расследование этого преступления, что позволило автору облечь повествование в детективную канву, однако, как и в случае с «Преступлением и наказанием», это была лишь внешняя сторона. Внутренней сутью произведения является философско-религиозная рефлексия автора, его размышления о нравственных проблемах общества, духовном состоянии человека и его отношениях с другими людьми, с самим собой и Богом. Таким образом, первая часть заглавия несёт в себе скрытый конфликт: предполагаемая сплочённость братьев оказывается ложной. Кроме того, у троих братьев Карамазовых находится и четвёртый брат – внебрачный сын Фёдора Павловича, носящий красноречивую фамилию Смердяков и отдалённый от своего отца ещё больше, чем все остальные.

Итак, семейство («семейка») Карамазовых представляет собой разрозненную группу людей, связанную ближайшими родственными связями, но отличающуюся от традиционных представлений о семье. Скорее, это модель ущербной семьи, в которой нет хозяйки, братья рождены от разных матерей (и четвёртый из них отвержен и унижен), а отец ведёт греховный образ жизни, отказавшись ото всех отцовских обязанностях.

Перемены происходят, когда братья встречаются,

и тогда начинается их духовное единение. Но при этом объединяет их не только родство, но и протест против поведения отца (у каждого он проявляется по-разному). Их отношение к отцу вполне объяснимо, так как ситуация с самого начала является противоречащей всем нормам: «*Кажется, что на Алёшу произвел сильнейшее впечатление приезд его обоих братьев, которых он до того совершенно не знал. С братом Дмитрием Федоровичем он сошёлся скорее и ближе, хотя тот приехал позже, чем с другим (единоутробным) братом своим, Иваном Фёдоровичем*» [6, с. 42].

Но даже возникшее после длительной разлуки братство нельзя назвать полноценным, так как и в нём есть некая ущербность, суть которой поясняет К.В. Мочульский: «... каждый по-своему, переживают единую трагедию, у них общая вина и общее искупление. Не только Иван со своей идеей “всё позволено”, не только Дмитрий в своём безудержьи страстей, но и “тихий мальчик” Алёша ответственны за убийство отца. Все они сознательно или полусознательно желали его смерти» [9, с. 75]. Таким образом, единение братьев строилось не только на возникшей духовной привязанности, но и на грехе.

В свете сказанного рассмотрим вторую часть заглавия, которой является фамилия «Карамазовы». Исследователи выдвигают несколько версий относительно семантики данного антропонима. Так, С.А. Скуридина, ссылаясь на словарь В.И. Даля, входящий в личную библиотеку писателя, предполагает, что фамилию Карамазов следует толковать как «черномазый», так как это слово находится в одном синонимичном ряду со словом «: кармазый» и, другими лексемами из него, [11, с. 69-70].

Такая версия является наиболее легко объяснимой и достоверной: во-первых, благодаря близости значений, во-вторых, подходящей семантикой, поскольку слово «черномазый» указывает на тёмную сторону души представителей семейства Карамазовых. В то же время «черномазый» способно сигнализировать и о греховности, которая сопровождает это семейство на протяжении всего его существования.

Подтверждение тому, что под фамилией Карамазов подразумевается некое чёрное, греховное начало, есть и в тексте романа (имеется в виду сцена знакомства Алёши и Арины Петровны):

«– *Здравствуйте, садитесь, господин Черномазов, – проговорила она.*
– *Карамазов, маменька, Карамазов!*» [6, с. 174].

Согласимся с мнением С.А. Скуридиной и о том, что фамилия героев содержит в себе и другой семантический оттенок, который вычленяется из антропонима Карамазовы и восходит к слову «кара» [11, с. 71]. Действительно, греховность жизни семейства Карамазовых

– нарушение основных морально-нравственных норм и Божьих заповедей отцом; различные грехи его сыновей и их общий грех – тайное или явное пожелание смерти главе семейства, которое приводит к его настоящему убийству, – всё это требует возмездия.

Поэтому идея о каре – как ответе за греховные поступки – является закономерной, и писатель нашёл идеальный вариант антропонима для названия, поскольку он совместил в себе оппозицию «грех – кара». Такой подход свойственен творчеству Ф.М. Достоевского – достаточно вспомнить роман «Преступление и наказание», входящий, как и «Братья Карамазовы», в Великое Пятикнижие.

Чтобы подтвердить мысль о присутствии в заглавии идеи о каре, необходимо обратиться к эпиграфу романа. В качестве такового писатель избрал цитату из Евангелия: *«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»* (Ин. 12:24).

Эти слова Ф.М. Достоевский позаимствовал из Евангелия от Иоанна (это глава обычно читается в храмах на Пасху), и в них идёт речь о победе Спасителя, которая произойдёт в скором времени, но не обычным способом, а через Его смерть. По Евангелию всё так и произошло: Иисус принял смерть на Кресте, был погребён, но воскрес, доказав тем самым торжество жизни и веры.

Как и любые евангельские слова, язык этой цитаты метафоричен, содержит притчевое начало, и в первую очередь следует обратить внимание символику зерна. Под ним подразумевается сам Спаситель, смерть которого стала надеждой на обретение бессмертия. Объясняется это тем, что в умерший, а потом воскресший Иисус, словно зерно в земле, пророс и дал обильные всходы в виде бессмертия для всех людей, уверовавших в Него. Неслучайно в пасхальном тропаре поётся: *«... Смертию смерть поправ / И сущим во гробех живот даровав»* [12, с. 72].

Поэтому скрытый смысл эпиграфа дал повод исследователям говорить о пасхальном начале, лежащем в основании всего романа и определяющим его подтекст. Так, В.Н. Захаров пишет: «Евангельский эпиграф задает пасхальный сюжет романа «Братья Карамазовы», который становится ключом ко всем двенадцати книгам и роману в целом, превращая роман романов в христианский метароман о человеке и Слове, о России и Христе, о мире и Церкви [7, с. 32].

Таким образом, возникает вопрос, сопоставляется ли кара, намёк на которую предположительно заложен в фамилии Карамазовых, с этим мощным, светлым, жизнеутверждающим смыслом, который транслирует эпиграф.

Однако эта мысль представляется возможной, поскольку в евангельском представлении путь христианина не прост и состоит не только из духовных побед, но и падений, греховных поступков, отхождения от Бога и нового приближения к Нему. Подобный путь проходят и герои Ф.М. Достоевского в романе «Братья Карамазовы», и в этом контексте и необходимо рассматривать действие произведения. С этой точки зрения будут уместны слова А.Б. Криницина, который пишет: *«Каждую человеческую душу и всё человечество в целом писатель мыслил, как почву, на которой должно прорасти упавшее туда зерно – Слово Божие. И из притчи о семени, как из зерна, вырастает сюжет романа»* [Цит. по: 2, с. 82].

Автор, иллюстрируя эту притчу, на примере героев произведения, показывает, как такое зерно, однажды попав в душу человека, оказывается способным преобразить её и духовно возродить личность. Прежде всего, писатель преследовал цель показать, что любой человек – это образ и подобие Божие, и это свойство невозможно утратить навсегда.

Известно, что Ф.М. Достоевский, который критически относился к социальному устройству, к духовно-нравственному состоянию общества, считал, что исправление действительности возможно только посредством внутреннего переустройства человека, а не с помощью принятия только лишь внешних мер. Выжив на каторге только благодаря вере, которую он ежедневно подкреплял чтением Евангелия, он пережил духовное перерождение и далее поставил цель спроецировать свой опыт на всё человечество.

Истинно христианская позиция, которую принял писатель, не осуждать человека в его самых низких поступках, а попытаться спасти, напомнив о том, что он – образ и подобие Божие, отразилась и в «Братьях Карамазовых». Так, старец Зосима прямо говорит об этом: *«Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие Божеской любви и есть верх любви на земле»* [6, с. 207]. Иными словами, он подсказывает путь к спасению и обретению человеком утраченной сущности. Эта цитата соотносится с Евангелием: *«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин.13: 34-35).

Принять эти слова, принять заповеди Божьи и сделать попытку жить по ним – это и есть возможность посадить и взрастить в себе евангельское зерно. На примере своих героев Ф.М. Достоевский показывает, что потенциал для этого есть у каждого, даже самого грешного человека.

Так, Фёдор Павлович Карамазов представляет собой тип героя с порочным сознанием и душой. В нём

соединены множество самых отвратительных грехов и качеств – сладострастие, цинизм, злое шутовство и богохульство. Он – герой-богоотступник, который знает, что падает в бездну, но при этом испытывает удовольствие от данного факта. К.В. Мочульский, сравнивший его с фавном, замечает, что этот фавн «более не невинен: он осознаёт, что похоть его греховна, и защищается шутовством и бесстыдством» [9, с. 179].

Но этот герой не однозначен и противоречив: не веря в Бога, он в то же время не оскорбляет религиозного чувства Алёши, а наоборот, просит о молитве. Есть в нём и небольшое тяготение к красоте и добру, а некоторый трагический оттенок придаёт Карамазову-отцу присущее ему чувство вины. В какой-то мере Фёдор Павлович признаёт себя недостойной той жизни, которую страстно любит. Он понимает, что он «приговорён» к убийству, ощущает себя отверженным, но ничего изменить не может, потому что сделать это можно только при помощи Божьей, а Бога в его душе нет.

Писатель был убеждён в силе примера отцов для детей. Отрезанные от родного дома, братья Карамазовы обречены нести на себе груз «карамазовской породы». Более того, в них заложено тяготение к пороку и злу, поскольку их отец является убеждённым носителем грехов. Это значительно осложняет им жизнь.

Старший сын Дмитрий Карамазов более всего похож на отца, он наделён многими пороками, присущими Фёдору Павловичу. В этом отношении примечательна характеристика, которую даёт Дмитрию Ракитин: «*Пусть он и честный человек, Митенька-то, но сладострастник. Вот его определение и вся внутренняя суть. Это отец передал своё подлое сладострастие... Ведь в вашем семействе сладострастие до воспаления доведено*» [6, с. 154]. Тем не менее, эту характеристику нельзя считать полной. Как заметил К.В. Мочульский, «тёмная земляная стихия преобразуется в "горячем сердце" Дмитрия в ослепительное пламя эроса, и он осознаёт её как великую рождающую и творящую силу» [9, с. 208].

Это чувство можно назвать космическим, которое зачастую приводит его к мистическому экстазу. Дмитрию более всех из братьев суждено ощущать ту двойственность, которая заложена в породе Карамазовых. Живя пороками, он, вместе с тем, чувствует непреодолимую потребность в Боге: «*...Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облакается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я всё-таки и Твой сын, Господи, и я люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть*» [9, с. 241].

Эти экзистенциальные ощущения боли и страха, двойственности способствуют тому, что Дмитрий прони-

кается всему тому, что подобно ему, то есть двойственно. Именно Митя оказывается в состоянии открыть природу красоты, в которой также присутствует трагическая двойственность: «*Красота – это страшная и ужасная вещь. Страшная потому, что неопределённая и определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия живут... Красота! <...>. Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей*» [9, с. 269]. В этих словах выражено одно из основных положений философской антропологии Достоевского.

Сластолюбие, страстность и бесчестие, присущее породе Карамазовых, будет проявляться во многих поступках Дмитрия, но за каждое из них он будет расплачиваться муками совести; за каждое из них будет наказан. Почти всех героев Достоевского преследует непреодолимое чувство вины. Это касается и Дмитрия. Вся его жизнь превращается в страх и боль – из-за совершённого преступления, из-за чувства раскаяния и боязни разоблачения. Однако пройдя через долгий путь страдания, душа Дмитрия всё-таки воскрешается и оказывается готовой к вечной жизни. На примере Мити писатель доказал, что утерянный образ Христа можно вернуть – через принятие мук и раскаяние.

Иван Карамзин является носителем атеистического воззрения, отягощённого гордыней. Тем не менее, он пишет труд о необходимости теократического устройства государства, то есть такого, при котором вся власть сосредоточена в руках церкви. Другим проявлением его неоднозначности является внушаемая отцу мысль обратиться к отцу Зосиме и устроить семейный совет в монастыре, а впоследствии почтительно целует старцу руку.

Зосима, будучи ясновидцем, сразу определяет тайну души Ивана, понимая, что его «мучает Бог», а его сознание разрывается между безверием и верой. Об этот свидетельствуют слова старца: «*Идея эта ещё не решена в вашем сердце и мучает его <...>. В этом ваше великое горе, ибо действительно требует разрешения... Но благодарите Творца, что дал вам сердце высшее, способное такой мукой мучиться...*» [9, с. 281].

Зосима верно понимает, что Иван совсем не убеждённый и самодовольный безбожник. Он – «мученик идеи, переживающий неверие как личную трагедию» [13, с. 206]. Алёша придерживается аналогичного мнения по отношению к брату, говоря о нём: «*Он мучения ищет, душа у него бурная. Ум его в плену. В нём мысль великая и неразрешённая. Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить*» [6, с. 237].

Действительно, ум Ивана не может решить, как совместить торжествующее в мире зло с бытием Бога. Он

находится на полпути между верой и безверием. Но в те минуты, когда он готов принять Бога, в нём просыпается гордыня. Он начинает критиковать устройство Божьего мира, укорять Его за допущение зла. Примечательны слова, которые он говорит Алёше: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это. Я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять... Вот моя суть, Алёша, вот мой тезис» [6, с. 258].

Иван допускает мысль о том, что когда-нибудь, в какой-то счастливый момент люди, пройдя через тернистый путь страданий, смогут простить друг друга, и тогда наступит гармония, которая будет длиться вечно. Именно в уста Ивана вложил Достоевский слова о «слезе ребёнка». По мнению среднего Карамазова, ничем нельзя оправдать страдания детей, никакими высшими политическими целями. Используемые им аргументы традиционны для атеистов, которые находят множество аргументов для того, чтобы заявить о том, что Бога нет. В выступлениях Ивана – проекция на будущих революционеров, которых предвидел гений Достоевского.

Алёша Карамазов – младший из братьев – является продолжателем идей князя Мышкина. Как и герой «Идиота», Алёша искренне и глубоко сочувствует окружающим, пытается поддержать их и помочь. Но он никак не влияет на действие романа. Достоевский задумывал Алёшу как «деятеля неопределённого и невыяснившегося» [6, с. 187]. И всё же, не будучи непосредственным участником всех драматических коллизий романа, Алёша оказывается очень значительной личностью в системе образов, потому что олицетворяет собой совесть других персонажей.

Таким образом, заглавие романа включает в себя идею о распаде личности, семьи, общества и заражённость их грехом и – как следствие – наступление кары. Однако эпиграф транслирует идею о возможности духовного возрождения человека, семьи, личности через приобщение к Слову Божьему, которое символизируется образом зерна. В свете сказанного, комплекс заглавия «Братья Карамазовы» можно расценивать как зашифрованное послание писателя о возможности возвращения грешному человеку образа и подобию Божия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Екатеринбург: Сибирская Благовонница, 2021. 1488 с.
2. Бондаревская О.А. Эпиграф как ключ к художественному толкованию романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Ключевое слово «Зерно» // Вестник Тамбовского университета. 2007. № 4. С. 80-83.
3. Бондаренко Т.А. Антропонимия романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Тюмень, 2006. 23 с.
4. Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика. Тверь: ТГУ, 1998. 295 с.
5. Владимирова Т.Е. Концепт «Брат» как архетип русского языкового бытия // Мир русского слова. 2015. № 2. С. 2015-2019.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: в 2 т. М.: Дрофа, 2010. 384 с.
7. Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
8. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. М.: Никитинские субботники, 1931. 36 с.
9. Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество. М.: ЕЁ Медиа, 2012. 563 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2010. 1376 с.
11. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф. М. Достоевского: (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж: Научная книга, 2007. 301 с.
12. Энциклопедия православия. – М.: Научная книга, T8RUGRAM, 2017. – 316 с.
13. Юрьева О.Ю. Достоевский в школе. М.: Дрофа, 2007. 319 с.

© Ян Хуань (huan.ja@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»